

В. Г. Белинский

**О жизни и сочинениях
Кольцова**

Виссарион Белинский

О жизни и сочинениях Кольцова

«Public Domain»

1846

Белинский В. Г.

О жизни и сочинениях Кольцова / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1846

О Кольцове Белинский писал еще в пору их первоначального знакомства. Прекрасное знание условий жизни воронежского поэта, продолжительное личное общение с ним во время его приездов в Москву и Петербург позволили Белинскому с большой силой обрисовать в этой статье самобытную личность поэта-прасола и раскрыть во всей полноте трагедию его жизни. В этом отношении статья Белинского сохраняет до сих пор значение биографического источника первостепенной важности.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Виссарион Григорьевич Белинский О жизни и сочинениях Кольцова

*Русский быт —
Увы! – совсем не так глядит,
Хоть о семейности его
Славянофилы нам твердят
Уже давно, – но, виноват,
Я в нем не вижу ничего
Семейного... О старине
Рассказов много знаю я,
И память верная моя
Тьму песен сохранила мне
Однообразных и простых,
Но страшно грустных... Слышен в них
То голос воли удалой.
Все злою долею женой,
Все подколодною змеей
Опутанный, – то плач о том,
Что тускло зимним вечерком
Горит лучина, – хоть не спать
Бедняжке ночь, и друга ждать.
И тешить старую любовь, —
Что ту лучину залила
Лихая старая свекровь...
О, верьте мне: не весела
Картина – русская семья...
Семья для нас всегда была
Лихая мачеха, не мать.*

А. Григорьев.⁽¹⁾

Издавая в свет полное собрание стихотворений покойного Кольцова, мы прежде всего думаем выполнить долг справедливости в отношении к поэту, до сих пор еще не понятому и не оцененному надлежащим образом. Конечно, нельзя сказать, чтобы Кольцов не обратил на себя общего внимания еще при первом появлении своем на литературное поприще; но это внимание относилось не столько к поэту с сильным самобытным талантом, сколько к любопытному феномену. Большею частью в нем видели русского мужичка, который, едва зная грамоте, сам собою открыл и развил в себе способность писать стишки, и притом недурные. Все поняли, что, по таланту, Кольцов выше Слепушкина, Суханова, Алипанова; но не многие поняли, что у него решительно не было ничего общего с этими *поэтами-самоучками*, как их тогда величали. Впрочем, это естественно, и тут некого винить. Для верной оценки всякого поэта нужно время, и не раз случалось, что даже великие гении в области искусства были признаваемы только потомством. Теперь этого уже не бывает, потому что теперь пустому, но блестящему таланту легче попасть в гении, нежели гению не быть признанным; но и теперь это признание целою массою общества тоже требует времени и обходится не без борьбы. То же самое можно отнести ко всякому замечательному таланту, выходящему из-под уровня обыкновенности.

Кроме этого обстоятельства, Кольцов явился в то время русской литературы, когда она, так сказать, кипела новыми талантами в новых родах. Едва замолкли поэты, вышедшие по следам Пушкина, как начали появляться романисты, нувеллисты, а потом поэты-стихотворцы,

резко отличавшиеся от прежних своим направлением и колоритом. В литературе, молодой и не установившейся, новость возбуждает такое же внимание, как и гениальность, и часто считается за одно с нею, хотя и не надолго. Среди всех этих новостей сам Кольцов возбудил собою внимание, как новость, появившаяся под именем *поэта-прасола*. Будь он не мещанин, почти безграмотный, не прасол, – его стихотворения, может быть, едва ли были бы тогда замечены. Первые стихотворения Кольцова печатались изредка в разных малоизвестных изданиях. Публика узнала о нем только в 1835 году, когда, в Москве, вышла книжка его стихотворений, в числе восемнадцати пьес^[2], из которых едва ли половина носила на себе отпечаток его самобытного таланта, потому что пора настоящего творчества и полного развития таланта Кольцова настала только с 1836 года. Однакоже внимание, какое обратили на Кольцова многие литераторы и, между ними, Жуковский и сам Пушкин, отозвалось и в публике. Книжка имела успех, и имя Кольцова приобрело общую известность. С 1836 года он постоянно печатал свои стихотворения в журналах: «Современник», «Телескоп», «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», «Сыне отечества» (1838), «Московском наблюдателе» (1838–1839), а потом большею частию в «Отечественных записках» и в альманахах: «Утренняя заря» и «Сборник»^[3]. Когда даже и большие сочинения, повести и драмы, разбросаны таким образом по разным изданиям, – и тогда публике неудобно составить себе о их авторе определенное понятие; тем более это относится к автору мелких стихотворений, которые, в продолжение почти восьми лет, печатались в разных периодических изданиях. Появляется в журнале новое стихотворение даровитого поэта, производит свой эффект – и, как все в мире, мало-помалу забывается. Иной читатель и хотел бы вновь перечесть его, но для этого надо отыскивать стихотворение в куче журналов; а притом, не всякий помнит, где именно помещено оно, и не всякий имеет возможность доставать старые журналы. Таким образом, общий колорит и характер произведений поэта ускользает от читателей. От времени до времени поэт производит на них впечатление то тем, то другим своим стихотворением, но не общностию, не целостностию своей поэзии, которая, – если он поэт с большим дарованием, должна представлять собою особый, самобытный и оригинальный мир действительности.

Прежде нежели приступим мы к рассмотрению произведений Кольцова, считаем нужным коснуться некоторых подробностей его жизни. Жизнь Кольцова не богата, или, лучше сказать, вовсе бедна, внешними событиями; но тем богаче история его внутреннего развития и тяжелой борьбы между его призванием и его суровою судьбою.

Алексей Васильевич Кольцов родился в Воронеже, в 1809 году, октября 2-го^[4]. Отец его, воронежский мещанин, был человек не богатый, но достаточный, промышлявший стадами баранов для доставки материала на салотопленные заводы. Одаренный самыми счастливыми способностями, молодой Кольцов не получил никакого образования. Воспитание его представлено было природе, как это бывает у нас^[5] и не в одном этом сословии. Само собою разумеется, что с ранних лет он не мог набраться не только каких-нибудь нравственных правил или усвоить себе хорошие привычки, но и не мог обогатиться никакими хорошими впечатлениями, которые для юной души важнее всяких внушений и толкований. Он видел вокруг себя домашние хлопоты, мелочную торговлю с ее проделками, слышал грубые и не всегда пристойные речи даже от тех, из чьих уст ему следовало бы слышать одно хорошее. Всем известно, какова

[2] Первый сборник стихотворений Кольцова был издан при помощи Н. В. Станкевича и при ближайшем участии самого Белинского. (см. т. I наст. изд.).

[3] Альманах «Утренняя заря» издавался В. Владиславлевым в 1839–1843 годах. В этом альманахе были напечатаны следующие произведения Кольцова: две «Песни Лихача Кудрявича», «Кольцо», «Русская песня» («Не скажу никому...»). В литературном альманахе «Сборник за 1838 год», изданном в Петербурге, были напечатаны песня Кольцова «Глаза» и дума «Молитва».

[4] По более точным данным Кольцов родился 3(15) октября 1809 года. (См. хронологическую канву его жизни в «Полн. собр. соч. А. В. Кольцова», изд. 3-е, СПб, 1911).

[5] Слово «У нас» было вычеркнуто цензором.

вообще наша семейственная жизнь, и какова она в особенности в среднем классе, где мужицкая грубость лишена добродушной простоты и соединена с мещанскою спесью, ломаньем и кривляньем^{6}. По счастью, к благодатной натуре Кольцова не приставала грязь, среди которой он родился и на лоне которой был воспитан. Сыздетства он жил в своем особенном мире, – и ясное небо, леса, поля, степь, цветы производили на него гораздо сильнейшее впечатление, нежели грубая и душливая атмосфера его домашней жизни. Предоставленный самому себе, без всякого присмотра, Кольцов, подобно всем детям любивший бродить босиком по траве и по лужам, чуть было не лишился на всю жизнь употребления ног и долго был болен, так что хотя его впоследствии и вылечили, однако он всегда чувствовал отзвук этой болезни. Только необыкновенно крепкое сложение могло спасти его от калечества или и самой смерти как в этом, так и в других случаях его жизни. Так, например, будучи уже старше шестнадцати лет, он, на всем скаку, упал с лошади, через ее голову, и так сильно ударился тылом о землю, что на всю жизнь остался сутуловатым. Но несмотря на все это, он всегда был здоров и крепок.

На десятом году Кольцова начали учить грамоте под руководством одного из воронежских семинаристов. Так как грамота ребенку далась и он скоро ей выучился, его отдали в воронежское уездное училище, из которого он был взят, пробывши около четырех месяцев во втором классе: так как он умел уже читать и писать, то отец его и заключил, что больше ему ничего не нужно знать и что воспитание его кончено. Не знаем, каким образом был он переведен во второй класс, и вообще чему он научился в этом училище, потому что как ни коротко мы знали Кольцова лично, но не заметили в нем никаких признаков элементарного образования. Мало того: из примера Кольцова мы больше всего убедились в важности элементарного образования, которое можно получить в уездном училище. При всех его удивительных способностях, при всем его глубоком уме, – подобно всем самоучкам, образовавшимся урывками, почти тайком от родительской власти, Кольцов всегда чувствовал, что его интеллектуальному существованию недостает твердой почвы и что, вследствие этого, ему часто достается с трудом то, что легко усваивается людьми очень недалекими, но воспользовавшимися благодеяниями первоначального обучения. Так, например, он очень любил историю, но многое в ней было для него странно и дико, особенно все, что относилось до древнего мира, с которым необходимо сблизиться в детстве, чтобы понимать его. Для всякого, кто в уездном училище прошел хоть Кайданова историю, незаметно делаются как будто родственными имена героев древности. Древняя жизнь и древний быт так не похожи на нашу жизнь и наш быт, что только через науку, в лета детства, можем мы освоиваться с ними и *привыкать* находить их возможными и естественными. Вследствие этого же недостатка в элементарном образовании Кольцов, при всей глубокости и гибкости своего эстетического вкуса, не мог понимать «Илиады», хотя и не раз принимался читать ее в переводе Гнедича, – между тем как Шекспир восхищал его даже в посредственных и плохих переводах, и он с жадностью собирал, читал и перечитывал их. Что он не много вынес из уездного училища, хотя и пробыл четыре месяца даже во втором классе, – это всего яснее видно из того, что он не имел почти никакого понятия о грамматике и писал вовсе без орфографии.

Несмотря на то, с училища началось для Кольцова пробуждение его интеллектуальной жизни: он начал пристращаться к чтению. Получаемые от отца деньги на игрушки он употреблял на покупку сказок, и «Бова Королевич» с «Ерусланом Лазаревичем» составляли его любимейшее чтение. На Руси не одна одаренная богатою фантазиею натура, подобно Кольцову, начала с этих сказок свое литературное образование. Охота к сказкам всегда есть верный признак в ребенке присутствия фантазии и склонности к поэзии, – и переход от сказок к романам и стихам очень естественен: те и другие дают пищу фантазии и чувству, с тою только разницею, что сказки удовлетворяют детскую фантазию, а романы и стихи составляют потребность

^{6} Вся эта фраза была вычеркнута цензором.

уже более развившейся и более подружившейся с разумом фантазии. Но вот особенная черта, обнаружившая в Кольцове не только пассивную и воспринимающую, но и деятельную фантазию: читая сказки, он почувствовал охоту составлять самому что-нибудь в их роде. Но так как тогда он еще не имел привычки поверять бумаге все, что ни приходило ему в голову, то его неясные самому ему авторские порывания и остались в одних мечтах.

Десятилетний Кольцов взят был из училища отцом своим для того, чтобы помогать ему в торговле. Он брал его с собою в степи, где, в продолжение всего лета, бродил его скот; а зимою посылал его с прикащиками на базары для закупки и продажи товара. Итак, с десятилетнего возраста Кольцов окунулся в омут довольно грязной действительности; но он как будто и не заметил ее: его юной душе полюбили широкое раздолье степи. Не будучи еще в состоянии понять и оценить торговой деятельности, кипевшей на этой степи, – он тем лучше понял и оценил степь и полюбил ее страстно и восторженно, полюбил ее как друга, как любовницу.

Степь раздольная
Далеко вокруг,
Широко лежит,
Ковылем-травой
Расстилается!
Ах, ты степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
К морю Черному
Понадвинулась!^{7}

Многие пьесы Кольцова отзываются впечатлениями, которыми подарила его степь: «Косарь», «Могила», «Путник», «Ночлег чумаков», «Цветок», «Пора любви» и другие. Почти во всех его стихотворениях, в которых степь не играет никакой роли, есть что-то степное, широкое, размашистое и в колорите и в тоне. Читая их, невольно вспоминаешь, что их автор – сын степи, что степь воспитала его и взлелеяла. И потому ремесло прасола не только не было ему неприятно, но еще и нравилось ему: оно познакомило его с степью и давало ему возможность целое лето не расставаться с нею. Он любил вечерний огонь, на котором варилась степная каша; любил ночлеги под чистым небом, на зеленой траве; любил иногда целые дни не слезать с коня, перегоняя стада с одного места на другое. Правда, эта поэтическая жизнь была не без неудобств и не без неудовольствий, очень прозаических. Случалось целые дни и недели проводить в грязи и слякоти, на холодном осеннем ветру, засыпать на голой земле, под шум дождя, под защиту войлока или овчинного тулупа. Но привольное раздолье степи, в ясные и жаркие дни весны и лета, вознаграждало его за все лишения и тягости осени и дурной погоды.

^{7} Из песни «Косарь», 1835 рода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания